

ОДИН ИЗ САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ ЖЖ-БЛОГЕРОВ

СЛАВА СЭ

**САНТЕХНИК.
Твоё моё колено**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С97

Компьютерный дизайн обложки *Екатерины Фerez*

Иллюстрации по тексту художников
Виктории Лебедевой и Анастасии Орловой

Слава Сэ.
С97 Сантехник. Твоё моё колено / Слава Сэ. —
Москва : Издательство АСТ, 2024. — 256 с. —
(Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-120444-0

Слава Сэ — постмодернист. Он переосмысливает штампы и отвергает пафос. Трагедии и ругань под запретом. Любое событие его мира лишь повод для иронии и чаепития. Малиновое варенье, кот на подоконнике — вот основа мироздания.

Его книги разбирают на цитаты:

...Кто выбросит ёлку в январе, тот параноик.

Решительный хозяин сушит ель до образования хрустящей корочки.

Слабое зрение улучшает мир.

Горизонт становится ближе, женщины — красивее, а квартира — чище.

Известны семьсот видов женских слёз.

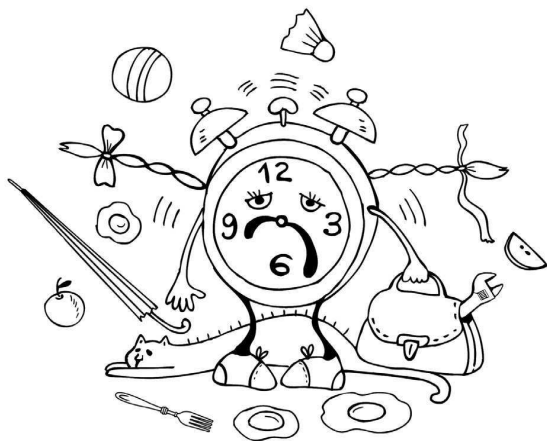
И на всё это великолепие мужчина реагирует единственной фразой «Ну чё ты, Катя».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120444-0

© Слава Сэ, наследники, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Начало

Мне сорок два года. Я учусь в четвёртом классе, в первом классе, работаю сантехником и ещё пишу сценарии по ночам. Засыпая, смотрю на будильник. Это самый бесчувственный из моих знакомых негодяев. Он всем циферблатом показывает, что спать осталось три часа. Ни мольбы, ни угрозы не трогают его механическое сердце. В 6:30 он начнёт грохотать и биться. За пять минут до его припадка я просыпаюсь сам, смотрю на него с ненавистью. Дезактивирую кнопку страшного его, иерихонского звонка, клянусь себе в воскресенье отоспаться. А сегодня детям в школу. Я кричу за стену:

— Маша, вставай!

Маша говорит, что способна одеться мгновенно. Если её не торопить, то она покажет, как быстро и аккуратно может собраться. Это будет что-то удивительное. А если не завтракать, то можно спать ещё четырнадцать минут, океан времени.

Сил скандалить нет, мы вяло препираемся. Потом Маша приходит сама. Белокурая, лохматая, в руках

подушка, одеяло и кот Федосей породы татарская овчарка. Животное притворяется дохлым в надежде переехать на помойку. Там-то уж можно будет спать сколько влезет. Но Маше одиннадцать, её не проведёшь просто так, свесив лапы. Она укладывается рядом, возится, пыхтит, задаёт триста вопросов и рассказывает новости.

Ляля не может спать, если за стеной разговаривают. Она тоже приходит, темноволосая, худая, очень сердитая. Ей семь лет. Лялю возмущает семья, которая валяется в родительской постели без неё. Будто она изгой, оторви да брось. Никто даже не позвал. Но Ляля готова всех простить, если её пустят в середину. Девочки лупят друг друга подушками и мучают скотину. Значит, уже не проспим, можно закрыть глаза на секундочку. Собственно, я не собираюсь спать, только дождусь, пока давление в глазных яблоках сравняется с атмосферным. Минутная стрелка сразу прыгает вперёд на половину циферблата. Наш будильник, как вы поняли, просто кладёшь под постель. Тут в дом приходит последний персонаж майского утра — паника.

Одеваются дети с ничтожной, почти отрицательной скоростью. Давно надо выехать, но завтрак не съеден, портфели не собраны, косы не заплетены. И это редкий случай, когда мне лысому завидуют волосатые девочки.

В машине Ляля просит выдать один лат двадцать сантимов в счёт будущих учебных побед. Этого хватит на суп и шоколад. Маша доросла до огромных трат. Ей нужны шницель, какао, театр и злобная

репетиторша по немецкому языку. За десять латов в день она уважает меня как отца и как личность. Момент выдачи денег кажется наилучшим, чтобы интересоваться уроками. Ляля снова возмущена. В первом классе вообще не задают. Я уточняю на всякий случай:

— А ты в каком?

Она говорит:

— В первом, разумеется!

Маша бурчит ругательства на немецком языке, которого я не понимаю. Потом выхватывает из ниоткуда лист с синими каракулями. Очень эффектно, как Копперфильд. С её слов, так выглядит домашняя работа по литературе. Мне кажется, я уже видел эту клинопись раньше. Но Маша клянётся, работа свежая. Никто не разбирает её кракозябры, поэтому и спорить невозможно.

Мы едем в школу, город пуст.

— Потому что воскресенье, — вспоминает Маша. Разворачиваемся, настроение ухудшилось. Вернуться и доспать нельзя, по воскресеньям дети необузданны. Лучше всего поехать в Юрмалу. У нас прекрасный климат. Триста дней в году дождь, в остальном — сплошное солнце. Вероятность хорошей погоды 15%. В Юрмале простор, море, ионы йода. К тому же можно поручить девочкам прорыть тоннель до Новой Зеландии и получить таким образом семнадцать минут для сна в кустах.

Собираем пляжные принадлежности. Корзина для пикников огромна. Это настоящая кибитка с ручками. Дети складывают в неё всё, кроме пустой

мебели. Они готовы взять и мебель, но не могут поднять. Хула-хуп тоже не лезет, мы выгружаем хула-хуп. Пользуясь девичьей рассеянностью, я оставляю также зонт, два мяча, свитер, фонарик и шахматы.

Весёлые и нарядные, мы идём в аптеку. Нужен бальзам от солнца. В вопросах загара мы страшные оптимисты. В аптеке бальзама нет, есть шоколад. Чтобы оттирать его со щёк и пальцев, нужны будут влажные салфетки. Их тоже нет, есть туалетная бумага, восемь рулонов. По одному их продавать невозможно, говорит строгая тётя. «Гигиены много не бывает», — думаю я, прижимая рулоны к груди.

В юности я посещал пляж налегке и в дерзких шортах. Там был огромный выбор сырокопчёных женщин. Они медленно вращались, подставляя зрителям свои лучшие стороны. Я выбирал худых и непрактичных, чтобы вместе потом ненавидеть быт. Теперь быт ненавидит меня. На моей кухне коллекция ёршиков, тряпочки для разных видов грязи, три швабры и пылесос с турбиной, великий кошачий ужас. Я умею красными трусами перекрасить простыни в розовый цвет. Я разработал семь способов скормить детям луковый суп как суп без лука. У меня даже уют где-то был. И на пляж я выхожу как грузовой цыганский конь, с кибиткой и упаковкой туалетной бумаги в зубах. Загорающие переживают насчёт моих намерений.

Начинается активный отдых: мы два часа спим в дюнах, завернувшись в простыню. Мы рано встали и не хотим бадминтона. Замёрзнув как следует — ухо-

дим. И бумагу уносим непочатой, на радость пляжу. Обедать в такой день нужно непременно шашлыком в армянском ресторане. Мясо без гарнира из любого понедельника сделает субботу. А уж из воскресенья и подавно.

Разводиться было страшно. Казалось, этот быт, эти дети — всё обвалится, накроет и погребёт. Но год прошёл, небо не рухнуло. Я выучил телефон домоуправления и ишу макароны со скидкой. Купил танк с антенной и жужжу им по квартире. И железную дорогу завёл площадью в полторы кухни. И наконец-то съел три эклера подряд, как обещал себе в детстве. Уже в этой жизни я могу спать днём, НЕ ездить в путешествия, смотреть Евроспорт и банки не мыть, а сразу выбрасывать. Могу путать дни недели, покупать ненужные вещи, чистые детские трусы разыгрывать в лотерею. Я приобрёл велотренажёр и отлично похудел, пока ташил его наверх. Теперь это нужное устройство висится в гостиной, как статуя личной моей Свободы. И никто не скажет, что деньги потрачены зря. Наоборот, все рады и ссорятся за право крутить педали. Маленькая Ляля сожгла три калории из тех пяти, что в ней были.

Когда в кровати ворочается одна и та же женщина, это хорошо. Не помню чем, но я был доволен. Мне нравилось наблюдать, как лохматая и недовольная с утра жена становится ухоженной и милой уже к вечеру. Или не очень милой. Всякое бывало. Год прошёл, жизнь колосится. И дай нам Боже не скучать о тех, кто нас не любит.

Всё не так

Сначала женщины бросают в шутку:

— Я с тобою разведусь!

Будто пробуют боль на зуб. Потом представляют, как хлопнут дверью и как загомонят подруги. Иногда даже плачут для тренировки. К минуте развода у них уже всё готово: чемодан, временное жильё, мокрые слёзы, идеальный баланс лжи и правды в показаниях. Даже ракетчики не готовятся к войне так тщательно.

Мужчины легкомысленней. Они не помнят, что женаты, пока не возникает этот странный повод — второй раз в ЗАГС. Потом, очень неожиданно вдруг пустеет шкаф, кастрюли пропали и очередь в ванную отменена. И некого спросить, чем закончилось у Варьки с новым хахалем. Это как проснуться ночью на троллейбусной остановке в каком-нибудь Гомеле. Без сердца, без памяти, без жилья и самооценки, с одним лишь предписанием на алименты. Неудивительно, что женщины любят свадьбы, а у парней от этого слова шерсть на загривке топорщится.

В 2009 году случилась эпидемия разводов. Пострадали десятки отличных, ни в чём не виноватых мужчин. Без повода и предварительных провокаций жёны стали уходить. Раньше для ощущения новизны им хватало перестановки мебели, но в тот год непременно хотелось рвать пуповины. У одного моего знакомо-

го после развода выросли коричневые круги вокруг глаз. Его печень не выносила расставаний. Второй исхудал и даже снимался в рекламе диеты наравне с анорексичками. Третий спрашивал «за что?» так часто, что отучил звонить родную мать. Четвёртый женился на форменной бабе-яге. Ему нравилась особенная верность этой необычной женщины. В обмен на преданность он мог не замечать ни клюку её, ни ступу.

И только я оказался скалой. Уход жены ничто во мне не изменил. Я даже съездил на рыбалку, настолько было всё равно. Рыбы не поймал, но хорошо поговорил с дождевым червяком.

— Какой во мне смысл? — спрашивал я у животного. — Почему не ты, гармоничное творение, насаживаешь меня на крючок?

И круги вокруг моих глаз были не коричневыми, а фиолетовыми, это модный цвет.

Разводились молча. Худшего партнёра быть не может, поняла однажды Люся. Живая вода путешествий, знакомств, отдыха с континентальным завтраком не могла к ней пробиться — таким лежащим камнем оказался я в её судьбе. Подруги находили смысл жизни в бутиках северной Италии, на пляжах Индийского океана и в джунглях Коста-Рики. Их существование имело резон. А Люся напрасно блуждала в темноте брачных отношений. Юность миновала, а она мало что приобрела и нигде почти не отдохнула.

Я бы и рад купить ей счастье. Но её представления о достойном бытии развивались быстрее моих дохо-

дов. Всё рухнуло, когда её подруга попала в плен любовного параллелограмма. Или даже параллелепипеда. Её муж завёл подружку. Чтобы любовь и антилюбовь не аннигилировали при случайной встрече, муж купил жене домик в Лигурии. Мужу повезло с профессией, он работал банкиром. Именно в Италии, общественный транспорт в нужной степени нерегулярен, и жена нипочём не придет орать глупости о любви и предательстве, считал муж.

— Боже, как унижительно! — заплакала женщина, осмотрев небольшую итальянскую гостиную, спальню, садик и гараж с нескромной «лянчей». Это невыносимо, когда от тебя откупаются видом на залив. Будто настоящую любовь можно измерить деньгами и виллами. Десять лет она считала этого мерзавца своим собственным. Почти уже начала ему доверять. И такая благодарность.

— Он прямо швырнул в меня и дом этот, и машину! Как он мог! — причитала женщина, тряся ключами от счастья.

Между тем муж развернулся всем своим банком в сторону любовницы. Это было невыносимо. Жена заказала обратный билет. Она уже представила, что ему скажет и какое выразительное наденет для такого случая платье. Но вдруг сама познакомилась с приятным итальянцем. Он был молод, кудряв и настоящий пацифист. Самыми важными вещами в жизни он считал солнце, море и тихий вечер в ресторане рядом с немолодой уже, мудрой женщиной. Очень позитивный парень. Под властью его миролюбия жена банкира приняла жизнь такой, какая выпала на долю. Со всеми недостатками, вытекающими из состояния

мерзавца-мужа. Живёт теперь в Лигурии, смиренная и непритязательная.

Люся тоже хотела бы смириться и прощать, наблюдая закат из шезлонга над мысом Кап-Ферра. Но я, вместо понимания и помощи, назвал жену банкира шлюхой. Стыдно любить за деньги, сказал я. У меня, например, никогда не было таких женщин.

— Потому что у тебя никогда не было денег! — парировала Люся.

Она неприятно находчива в спорах. Даже странно, добавила она, что с моей зарплатой я до сих пор не живу в коробке из-под телевизора. Я нищеврод. А Люся сгубила себя, поскольку дура, безразличная к нищете. Когда-нибудь я пойму, какое счастье упустил. Сама же она не ждёт благодарности, и терпение её лопнуло.

— Прощай, козёл! — сказала она и хлопнула дверью.

Нищеврод — это очень обидно. Я зарабатывал, как две воспитательницы детского сада. Или как половина нейрохирурга. На беду, Люся получала как целый нейрохирург. Когда мы только сходились, всё было иначе. Я гонял на «мерседесе», служил маркетологом. Она же читала новости на радио за «спасибо». А иногда и без него. Знала расписание трамваев и сама себе пилила педикюр. Наверное, слишком снисходительная была у меня рожа, когда я, так и быть, на ней женился. Гордыня — страшный грех. Не прошло и года, дельтаплан моего успеха рухнул и застрял в переплетении водопроводных и канализа-

ционных труб. Я стал сантехником. Страшный удар для Люси. Сама она нипочём бы не вышла за водопроводчика. Только путём коварных интриг и предательства так вышло.

Когда выяснилось, что я наяву хожу по району в сапогах и с огромным разводным ключом — Люся напилась. От отчаяния и горя. У неё на работе была корпоративная вечеринка. Шеф устроил алкоголический конкурс. Люся приняла вызов и даже почти победила. За секунду до триумфа она сдалась и упала в крепкие директорские руки. Через минуту он и сам рухнул в объятия подхалимов. Все сотрудники в тот вечер струсили. Только Люсе нечего было терять. К тому же она занималась спортом и презирала опасность. На следующий день стала начальником смены. Через месяц — руководителем отдела светских новостей. К минуте нашего развода достигла абсолютной вершины радиобизнеса, сделалась программным директором с правом звонить Хозяину в любое время суток. Также она может обращаться к нему на «ты».

Конечно, я ей не пара. Я могу в любое время суток называть на «ты» кого угодно и стучать ночью кувалдой по трубе. Эти широкие привилегии не очень престижны, к сожалению. И в гороскопе моём сплошные ретроградные Сатурны. Астрология — чушь, но скажите это моим финансовым показателям. Они, показатели, упорно тащат меня к коробке из-под телевизора. У них своё мнение.

В общем, развелись. Люсю теперь видят в провинции и в метрополии в компании богатых рабовладель-

цев. Она и сама много работает, детей берёт на выходные.

Я же завёл страничку в интернете, полную дурных предчувствий. Пишу про любовь и страдания. И про женские ноги, такие теперь недостижимые. Трижды смотрел сайт продажных женщин, приценивался. Но пойти на контакт не решился. Не знаю, мои знакомые как-то с кем-то знакомятся. И даже занимаются потом настоящим сексом, с раздеванием и прочими милыми штучками. Мне же снятся спящие красавицы. Будто я лежу рядом и боюсь её разбудить. Просто тарашусь всю ночь.

В России убогим быть выгодней, чем счастливым. Мои эссе горьки от тестостерона и одиночества. Их читают неспешные женщины, похожие на осенних бабочек. У женщин огромные сердца и своя жилплощадь. Многие пишут нежные письма, жалеют меня, зовут в гости на котлеты и пожить недельку. Я никому не отвечаю. Боюсь встретиться и увидеть разочарование в их глазах.

Покупая молоко и хлеб, я тайком рассмотрел кассиршу. В нашем супермаркете есть одна такая, ничего. В молодости была совсем красивой. А сейчас немножко обвисла, опечалилась, судя по фигуре, любит пиво и, в целом, принадлежит к моему биологическому виду. Самочка нищеврода. Ей бы понравилась жизнь в хрущёвке с выходными в парке. Она не подозревает, что в Барселоне строят Саграда Фамилия и не стремится непременно увидеть это царпающее глаз нагромождение. Возможно даже, она боится путешествовать в такую даль. Мы могли бы